

К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ ГАРНИЗОНА ДАНЦИГА, 1813–1814 гг.

Многочисленная осада Данцига в 1813 г. и его сдача – одно из важных событий на Европейском театре военных действий. История самой осады известна, гораздо менее историки уделяли внимание дальнейшей судьбе данцигского гарнизона, оказавшегося в итоге в русском плену.

Уже в письме от 29 октября (ст. ст.) 1813 г. командовавший корпусом союзников под Данцигом генерал от кавалерии герцог А. Вюртембергский в письме к начальнику Главного штаба П.М. Волконскому, сообщив об успехах осадных работ, выразил надежду на то, что крепость сдастся до конца ноябряⁱ. В начавшихся переговорах о сдаче одним из ключевых был вопрос о том, куда будет отправлен гарнизон. В написанном в тот же день, 29 октября, письме А. Вюртембергский пугал руководившего обороной Данцига генерала Ж. Раппа будто бы полученным от императора Александра приказом отправить всех пленных солдат данцигского гарнизона в Томск, а офицеров – в Оренбургскую и Пензенскую губернии в том случае, если при сдаче крепости в ней окажется продовольствия менее чем на 25 дней. Генералу Д.М. Волконскому, одному из руководителей осады Данцига, это письмо показалось «странным» и «даже явно лживым», а в действительность изложенной в нем угрозы Волконский не верил. И правда, Рапп тогда не капитулировал и сообщил на следующий день, что «никакова постыдного предложения о сдаче не примет»ⁱⁱ.

Тем не менее 15 (27) ноября 1813 г. Рапп вынужден был заключить перемирие, а через два дня подписать капитуляцию, по условиям которой гарнизон обязывался 20 декабря (1 января 1814 г.) очистить крепость, при этом укрепления Вейхсельмюнде и Гольма, а равно и ключи от Оливских ворот полагалось сдать союзникам 12 (24) декабря, т. е. в день рождения императора Александра I. Гарнизону предоставлялась возможность, выступив из крепости с военными почестями, сложить оружие и уйти во Францию, при этом офицеры сохраняли свои шпаги. Однако взвод императорской гвардии и батальон из 600 человек пехоты, а также 25 человек кавалерии получали право оружие сохранить и даже взять с собой две 6-фунтовые пушки с зарядными ящиками. Конвой из союзных войск должен был сопровождать разделенные на четыре колонны войска Раппа до французских аванпостов. Возвращающиеся во Францию солдаты и офицеры данцигского гарнизона по условиям капитуляции не имели права до размена служить ни против одной из союзных держав, причем каждому генералу и офицеру полагалось дать такое обещание персонально. Однако в случае если бы размен, несмотря на усилия сторон, не состоялся, через год и один день после сдачи обязательства, данные гарнизону, утрачивали силу. Польские войска, равно как и войска других держав, входившие в состав данцигского гарнизона, получали право садаться на тех же условиях. Указанные условия отправки на родину распространялись и на больных, после их выздоровления. Пленные, содержащиеся в Данциге, освобождались без всякого размена и выслались из крепости 12 (24) декабряⁱⁱⁱ. Осаждающие, согласно капитуляции, заняли часть укреплений, а Вюртембергский 20 ноября на радостях даже отправил в Данциг 40 быков, чтобы поддержать голодающий гарнизон^{iv}. Очевидно, отдавая себе отчет в том, что принятые условия капитуляции могут показаться слишком мягкими, А. Вюртембергский в письме от 19 ноября (ст. ст.) к П.М. Волконскому особо отмечал, что он старался сколько можно «обратить их к славе и выгоде любезного нашего государя». Особенно акцентировал герцог внимание на том, что добился принятия Раппом статьи, предоставлявшей право данцигскому сенату предъявить французскому правительству долговые претензии. По мнению Вюртембергского, это условие должно было способствовать успешной сдаче и других крепостей, жители которых также имели претензии к французским войскам. Обращал внимание герцог и на постоянную угрозу подвоза на датских кораблях к Данцигу продовольствия^v. Условия, на которых Вюртембергский согласился принять капитуляцию крепости, во многом объяснялись тяжелым положением осаждающих. Об этом пишет и участник событий В. И. Штейнгель. В частности, он говорит о болезнях в войсках, их усталости, падеже лошадей, трудностях с подвозом провианта^{vi}.

Но условия, которые сформулировал герцог Вюртембергский, не соответствовали планам российского императора. 24 ноября к Данцигу был прислан от Александра I курьер, который привез повеление не заключать с гарнизонами капитуляции иначе как на условиях отправки их в качестве пленных в Россию. Герцог на это мог ответить лишь, что капитуляция уже подписана^{vii}.

Тем временем гарнизон крепости продолжал слабеть, а условия капитуляции постепенно приводились в исполнение. Согласно дневнику Волконского, 30 ноября Данциг покинули до 300 баварцев, которые «отошли от союза с французами и перешли к нам», а 1 декабря – около 400 саксонцев и вюртембергцев^{viii}. Впрочем Штейнгель утверждал, что баварцев 30 ноября вышло почти 400 человек, а на следующий день – около 600 саксонцев и гессенцев^{ix}. Богданович пишет, что в начале (в середине по н. ст.) декабря 1813 г. вышли три батальона и артиллерийская команда войск Рейнского союза^x. 21 ноября были освобождены 16 офицеров и 200 нижних чинов, находившиеся в Данциге в качестве пленных. Для населения и офицеров у городских ворот под контролем осаждающих периодически организовывался небольшой рынок^{xi}.

На созванном 2 декабря (ст. ст.) военном совете Вюртембергский считал вторичное повеление императора о том, что даже если капитуляция подписана, ее следует разорвать и принудить гарнизон Данцига идти военнопленными в Россию. Военный совет изложил в своем решении все трудности продолжения осады в зимнее время и положил не разрывать капитуляцию иначе как по выходе гарнизона из крепости, «если настоятельно сие приказано будет». Наконец 6 числа был получен отказ императора утвердить капитуляцию и только 12-го об этом сообщили Раппу. В ответном письме французский генерал «жестко протестовал на несдержании капитуляции» и «непристойно относился насчет государя», заявив, что «капитуляция не может быть прервана... и что Франция и Наполеон за то отомстит». Последовали бурные переговоры и 16 ноября осаждающие пригрозили, что если Рапп не подпишет новых условий сдачи, то гарнизон лишится собственности и будет отправлен в Сибирь^{xii}.

О весьма бурных переговорах по поводу перезаключения капитуляции рассказывает и Штейнгель. По его словам, стремясь склонить Раппа к подписанию новых условий, Вюртембергский угрожал ему, что прикажет начать военные действия и тогда он уже не ручается за назначение места, куда командующий данцигского гарнизона будет отправлен^{xiii}. В итоге 17 (29) декабря новые условия капитуляции были подписаны и гарнизон, очистив крепость, 21 декабря (2 января) сдался в плен^{xiv}.

Согласно условиям капитуляции, гарнизон крепости должен был выйти в указанный день в 10 часов утра через Оливские ворота («во уважение твердой своей обороны и личной храбрости» с воинскими почестями и сложить оружие на гласисе. Офицеры сохраняли свое оружие, имущество, лошадей и слугителей, а унтер-офицеры и рядовые – ранцы и вещи. Впрочем, лошадей и обоз им оставляли только в пределах, определенных французскими нормами, по которым отпущался и фураж. Пленному гарнизону предстояло двинуться в Россию, но он не мог быть отправлен в отдаленные губернии. После сдачи крепости предполагалось составить списки пленных всех чинов, в том числе больных и раненых. Тем не менее существовал ряд категорий военнослужащих, составивших гарнизон Данцига, для которых были определены особые условия. Польские войска должны были выйти из города еще 20 декабря (1 января) через Петерсгагенские ворота и, дав обещание не служить против России и ее союзников до конца войны, отправиться в свою отчизну. В остальном им предстояло разделить судьбу прочих польских полков, находившихся в Герцогстве Варшавском. Оставшимся в Данциге немецким войскам предписывалось покинуть его на следующий день после подписания капитуляции и отправиться в Германию. Больные и раненые из состава данцигского гарнизона должны были получать медицинскую помощь наравне с союзниками, но по выздоровлении им также предстояла дорога в Россию. Для присмотра и сопровождения в пути при них оставлялся военный комиссар и лекаря. Увечные и вовсе не способные к военной службе также оставались в Данциге и включались в список больных. Впрочем, и у тех, кому предстояло отправиться в Россию, был шанс избежать этого. Они могли быть отпущены в отечество по размену на равное количество пленных союзников. Всем, «не находящимся под ружьем французам, но к военной службе принадлежащим» предоставлялось право выбора отправиться в Россию вместе с гарнизонами или остаться в городе, но без права требовать положенного для военных продовольствия.

Все находящиеся в Данциге военнопленные, «какого бы они народа ни были», принадлежащие к державам, воюющим против Франции, должны были быть выпущены без размена из крепости через Петерсгагенские ворота 19 (31) декабря и высланы на русские аванпосты.

Плененный данцигский гарнизон должен был двигаться в Россию четырьмя колоннами, которые предполагалось отправлять с интервалом в несколько дней.

Вся артиллерия, планы и чертежи, казна, «предметы, принадлежащие к инженерной части, обозу, артиллерии и флоту» на следующий день после подписания капитуляции гарнизон обязывался сдать присланным из лагеря осаждающих комиссарам. Данцигский сенат получал право предъявить Наполеону свои требования на оплату сделанных гарнизоном долгов^{xv}.

18 декабря (ст. ст.) были взяты ключи от крепости и из нее стали выступать немецкие войска, 20 декабря, по словам Волконского, без всякой церемонии вышли поляки^{xvi}. Впрочем, Штейнгель отметил, что польские войска вышли из города «полной воинской церемонией с музыкой и барабанным боем» и проследовали до города Дишау, где сложили оружие. По оценкам мемуариста, их было около 5 тыс. человек^{xvii}.

По данным, приведенным М.И. Богдановичем, поляков было до 6 тыс. человек^{xviii}. В плену оказалось 13 генералов, один контр-адмирал, 986 офицеров и 9 тыс. рядовых^{xix}. 18 января 1814 г. А. Вюртембергский сообщил управляющему Военным министерством А.И. Горчакову следующие данные о судьбе данцигского гарнизона: поляки были отправлены «в дома их», испанцы – в Мемель «в тамошнее учрежденное депо», голландцы, баварцы и саксонцы – в «их королевства и герцогства», а все французы – внутри России. Отправленные первоначально с французами неаполитанцы, по отношению начальника Главного штаба П. М. Волконского, были отделены от них, отведены в Дишау и – «как оные с нами союзники» – получили обратно свое оружие. Дело в том, что к этому времени неаполитанский король И. Мюрат уже перешел на сторону антинаполеоновской коалиции. Герцог Вюртембергский сообщил и о числе взятых в Данциге итальянцев: два генерала, пять лекарей и 1715 нижних чинов (сколько было офицеров в документе не указано)^{xx}. В это число, очевидно, входили и 1594 неаполитанца, которые были возвращены уже с дороги после того, как большая часть пленного гарнизона двинулась в четырех колоннах в Киев^{xxi}.

Во главе конной стоял начальник 2-го конного казачьего полка Тульского ополчения подполковник Беклемишев, и приказ об отделении неаполитанцев от общей массы пленных ему был доставлен 2 января (ст. ст.) в г. Меве. Но еще 25 декабря он получил предписание начальника штаба осадного корпуса генерал-майора И.А. Вельяминова отделить от общего состава гарнизона немцев бывших ганзейских городов и земель «по сю сторону Рейна», которые не подлежали отправке в Россию. По представленной позднее Беклемишевым ведомости их обнаружилось 1087 человек. Поначалу данцигских пленных наряду с полком Беклемишева конвоировал и донской казачий полк Грекова 17-го, но на территории Герцогства Варшавского он получил приказ вернуться в Дишау^{xxii}.

Генерал Рапп был отправлен отдельно. 15 января 1814 г. главнокомандующий Резервной армией князь Д.И. Лобанов-Ростовский доносил императору, что Рапп уже две недели находится в Варшаве. Там бывший руководитель обороны Данцига обратился к Ланскому (видимо, Павлу Сергеевичу, который занимался инспектированием военных госпиталей), заявив, что не имеет сил продолжать путь и даже готов лично явиться к Ланскому. Ланской в ответ «напомнил ему с должной пристойностью», что «место здешнее для пользования неудобно» и что в Киеве климат для его здоровья едва ли не лучше. Кроме того, по словам Лобанова-Ростовского, варшавский комендант ежедневно посещает больных пленных и напоминает им, что «на его ответственности остается медленность в пребывании их здесь». 15 января Рапп вновь написал Ланскому, что ранее чем через 7–8 дней выехать не сможет. Кроме Раппа, в Варшаве находился по болезни и дивизионный генерал Пюто. Ланской также побуждал его к выезду, поскольку «меры к надзору за ними в Варшаве никогда достаточны быть не могут». «Повод к предмету останавливаться им в Варшаве, – писал Лобанов-Ростовский царю, – дает госпиталь для пленных здесь основанный». В итоге главнокомандующий Резервной армии предлагал перенести этот госпиталь поближе к российским границам, поскольку и при выписке из него пленных «скрывается из них знатная часть, которую долгое время и отыскать не могут». Резолюция на документе гласила: «Написать к Ланскому, дабы посему другую госпиталь устроить вне Варшавы»^{xxiii}.

На 18 января в Данциге оставалось еще некоторое число больных и раненых (один генерал, 96 штаб- и обер-офицеров, пять лекарей, 830 нижних чинов и 247 комиссионеров и нестроевых нижних чинов)^{xxiv}. Вопрос об их содержании во время пребывания в госпитале приводил Вюртембергского в затруднение и 19 января он запросил управляющего Военным министерством князя А.И. Горчакова, следует ли этим пленникам платить за время лечения жалование^{xxv}. Проконсультировавшись с управляющим Министерством полиции С.К. Вязмитиновым, Горчаков 14 февраля 1814 г. предложил герцогу принять содержание пленных за границей на счет интендантского ведомства или экстраординарной заграничной суммы, поскольку Министерство полиции отвечало за пленных лишь в пределах империи. Впрочем, управляющий Военным министерством отправил в Данциг для справки сведения об установленных в России нормах снабжения пленных^{xxvi}.

6 марта 1814 г. генерал от инфантерии А.С. Фенш доносил императору Александру, что после отбытия А. Вюртембергского оставшиеся в Данциге из-за ран и болезней пленные «более и более притесняются прусским правительством и генералом Массенбахом (прусский комендант города. – Б.М.). Кроме, что не допускается им нужное продовольствие, делаются еще со стороны пруссаков многие долговые требования, которые пленные не признают». В частности, Массенбах не выпустил оставшегося по болезни в Данциге генерала Дерикюра «под предлогом долгов, которые он не признает законными, ибо оные заключаются в сделанном блокаде для канцелярии генерального штаба, коего он был начальником и за который французским правительством выданы квитанции». Просьба об оплате этих квитанций была подана «его королевскому высочеству», по его повелению разбирались Вельяминовым, и выдвинутые требования были признаны несправедливыми. По мнению Фенша, удовлетворение подобных жалоб «открыло бы путь к мщению и злобе частных корыстолюбцев, через что лишились бы пленные всей своей собственности, столь свято капитуляцией огражденной». В связи с этим русский генерал заявил прусским властям протест против нарушения капитуляции, утвержденной царем, поскольку притеснялись пленные, принадлежащие России. «Несправедливость генерала Массенбаха в рассуждении сих пленных так велика, что он дозволяет судам чинить им приговоры, не допуская с нашей стороны защитников сих пленных, которые беспрепятственно прибегают ко мне и требуют от меня обороны в чинимых им притеснениях, говоря, что они заключали капитуляцию с нами, а не с прусским правительством», – писал Фенш^{xxvii}.

Тем временем пленные двигались в Россию, где властям предстояло озаботиться их размещением. Доведав пленных до Киева, Беклемишев узнал, что дальнейшее их препровождение ему предстояло осуществлять согласно распоряжениям управлявшего тогда Киевской губернией вице-губернатора В.С. Катеринича^{xxviii}. Эта обязанность на Катеринича была возложена решением герцога А. Вюртембергского, изложенным в отношении к вице-губернатору начальника корпусного штаба И.А. Вельяминова. Вюртембергский предписывал оставить в Киеве только генералов. Гвардию, инженеров и кавалеристов следовало разместить в уездах Киевской губернии, а для прочих пленных местами пребывания были назначены Черниговская, Орловская, Курская и другие южные губернии. Изложив в отношении к Беклемишеву от 28 февраля 1814 г. это предписание, Катеринич уточнил: в Киеве следовало оставить генералов вместе с их штабом; гвардию, конницу и инженеров отвести в три разных повета Киевской губернии, а прочих пленных препроводить в Орловскую, Курскую, Черниговскую и Полтавскую губернии. Беклемишеву предписывалось распределить пленных соответствующим образом, составить ведомости и рассчитать нужное количество конной и подвод. Катеринич выражал также надежду, что все будет организовано с максимально возможной быстротой «в отвращение стеснения, которое неизбежно последовало» бы в Киеве, если бы препровождение пленных замедлилось^{xxix}. Киевский комендант генерал-майор А.О. Массе предписал Беклемишеву возложить командование колоннами, отправлявшимися в разные губернии, на тех же чиновников, которые привели их в Киев, а самому остаться ожидать их рапортов^{xxx}. Однако вскоре распределение пленных по губерниям подверглось некоторой корректировке, поводом к которой стало решение Комитета министров, принятое на основании записки главнокомандующего в Санкт-Петербурге и управляющего Министерством полиции С.К. Вязмитинова.

Поводом к ее составлению стал рапорт Катеринича от 4 февраля, поданный Вязмитинову по случаю получения упоминавшегося уже отношения И.А. Вельяминова. При этом вице-губернатор в рапорте своему непосредственному начальнику пересказал этот документ более подробно, чем в предписании Беклемишеву. Так, в нем говорилось, что, кроме генерала Раппа, отправленного прежде, в Киев следуют еще 11 генералов, 82 штаб-офицера, 667 обер-офицеров и 6 тыс. нижних чинов, а также что всем пленным на основании заключенной с гарнизоном капитуляции следует получать продовольствие как провиантом, так и фуражом по французскому уставу, копию которого Вельяминов доставил в Киев. Вице-губернатор Катеринич отдал необходимые распоряжения о препровождении по территории губернии этих пленных, первая колонна которых должна прибыть в Киев, согласно маршруту, уже 25 февраля, и спрашивал у Вязмитинова решения по двум вопросам. Первый звучал: «...какое именно производить сим пленным содержание натурой или деньгами, считая все им положенное на наш вес и меру, и из каких сумм?» Второй касался квартир для генералов: давать их по отводу у обывателей или взимать за наем плату. При этом вице-губернатор прибавлял, что отвести квартиры в Киеве «без величайшего отягощения» обывателей невозможно. Согласно положению, высочайше утвержденному 7 октября 1806 г., генеральские квартиры в Киеве следовало предоставлять в городских домах, но «за отводом таковых» даже уже находящемуся в Киеве генералитету были наняты некоторые квартиры за счет городских сумм. Стоимость же найма генеральской квартиры по сложившимся ценам составляла 1,5–2 тыс. руб. в год без учета отопления, поскольку дрова генералам доставлялись за счет земских повинностей^{xxxi}. Поскольку Вязмитинов не имел никакой информации об условиях капитуляции данцигского гарнизона и о силе, которую они имели на территории России, то он и решил внести вопросы, поставленные киевским вице-губернатором, на заседание Комитета министров.

В своей записке Вязмитинов изложил министрам ряд соображений. Во-первых, он отметил, что при применении французских норм снабжения содержание данцигского гарнизона будет обходиться ежедневно в 5 тыс. руб. Причем если Комитет признает необходимым соблюдать эти условия, то для казны выгоднее производить выплату деньгами, ибо отпуск натурой «обойдется дороже, подаст повод к разным злоупотреблениям и неудовольствиям с обеих сторон, да и некоторых вещей в тех местах, где пленные жительство иметь будут, достать будет трудно».

Во-вторых, поскольку Киевская губерния составлена из бывших польских областей, размещать в ней значительное число французских пленных, «кои на общее мнение тамошних жителей по свойственному им национальному характеру могут иметь нарочито неблагоприятное влияние», является весьма «неблагонадежным».

В-третьих, Вязмитинов предлагал предписать немедленно киевскому вице-губернатору всех прибывающих в Киев пленных отправлять в Полтавскую, Слободско-Украинскую, Воронежскую, Орловскую и Курскую губернии, дав знать местным губернаторам, чтобы они этих пленных содержали отдельно от остальных и вели им особые списки. Что же касается тех категорий пленных, которых Вюртембергский обещал разместить в Киевской губернии (гвардия и пр.), то Вязмитинов предлагал поселить их на левой стороне Днепра, в ближайших к нему уездах Черниговской и Полтавской губерний.

В-четвертых, главнокомандующий в Санкт-Петербурге указывал, что в случае утверждения норм снабжения, сообщенных Вельяминовым, фуражные районы следует отпускать только генералам и офицерам, которые могли сохранить своих лошадей; у нижних же чинов лошадей быть не должно, поскольку их следовало сдать победителям вместе с другой казенной амуницией. Одновременно Вязмитинов представил

Комитету французские нормы снабжения и все необходимые для выплаты русскими деньгами расчеты^{xxxii}.

В конце записки он испрашивает у Комитета министров разрешения по следующим вопросам: 1) разместить ли генералов в Киеве или разделить их по городам Черниговской губернии; 2) тем, кто останется в Киеве нанять ли квартиры, кто за это должен платить и следует ли эти квартиры отапливать за счет земских повинностей, либо возложить расходы на самих пленнх генералов; 3) утвердит ли Комитет его предложения по размещению прочих пленнх вне Киевской губернии; 4) производить ли данцигскому гарнизону содержание по нормам, присланным от Вельяминова, в пересчете на российские вес, меры и цены деньгами; 5) производить ли нижним чинам конных полков фуражные рационы.

И наконец, Вязмитинов просил дать предписание министру финансов об отпуске средств на данцигский гарнизон отдельно от денег, выделяемых на прочих пленнх^{xxxiii}.

В итоге обсуждения на заседании 3 марта Комитет министров решил не размещать всех генералов в Киеве. Им следовало объявить, что из-за произошедшего пожара, в котором сгорело более 1000 домов, необходимого количества квартир найти невозможно, и предложить остаться в Киеве только некоторым «по собственному их между собой соглашению», а остальным разместиться по городам соседней Черниговской губернии. При этом оставшиеся в Киеве оказывались в невыгодном положении, поскольку Комитет министров решил, что квартиры и отопление они должны оплачивать сами. Комитет утвердил также представление Вязмитинова о размещении пленнх данцигского гарнизона по губерниям. По поводу французских норм снабжения, присланных Вельяминовым и превышающих нормы, установленные для прочих пленнх, Комитет предписал Вязмитинову снестись с А. Вюртембергским и сделать исключение для данцигских пленнх только в том случае, если герцог подтвердит, что оно основано на статьях капитуляции, причем выплаты производить в денежной форме. Комитет согласился также выплачивать фуражные деньги лишь генералам и офицерам конных полков, а о нижних чинах Вязмитинову также следовало запросить А. Вюртембергского. Наконец, министру финансов было предписано отпускать на данцигский гарнизон деньги отдельно от сумм, ассигнованных на прочих пленнх^{xxxiv}.

14 марта Катеринич получил основанное на решении Комитета министров предписание Вязмитинова^{xxxv}. Точным текстом этого документа мы не располагаем, но его пересказ содержится в журнале Комитета министров от 1 мая 1814 г. В целом предписание было основано на решении Комитета министров от 3 марта, но содержало незначительные отличия и дополнения. Так, генералов, которых не оставили в Киеве, предполагалось направить в уездные города не только Черниговской, но и Полтавской губернии. Кроме того, генералам, которые будут оставлены в Киеве, в случае если они окажутся не в состоянии оплачивать квартиры и отопление, предоставлялась возможность выехать вслед за прочими в города упомянутых соседних губерний. Распределять пленнх по губерниям предписывалось «сколько возможно... в равном числе». Данцигских пленнх предписывалось содержать отдельно, не смешивая с прочими, и вести им особые списки. Если же во время движения пленнх где-то будут оставаться больные, то «там тоже особо заведовать». Вязмитинов предписал производить содержание данцигскому гарнизону во время следования по французскому уставу в денежной форме, а по прибытии на места – на общих для пленнх основаниях. По поводу спорных фуражных рационов в предписании ничего не говорилось вовсе. Вязмитинов приложил маршруты следования пленнх и подтвердил, что все постановления, принятые в отношении пленнх, распространяются также и на гарнизон Данцига^{xxxvi}.

15 марта Катеринич предписал Беклемишеву перераспределить пленнх, направив две партии в Воронежскую и Слободско-Украинскую губернии. Исполнив это и получив от киевского начальства бумаги об успешном выполнении своей миссии, Беклемишев 20 апреля 1814 г. направил подробный рапорт управляющему Военным министерством князю А.И. Горчакову. К этому времени он уже имел отчеты от двух начальников колонн, успешно и без потерь доставивших пленнх в Полтавскую и Черниговскую губернии^{xxxvii}. К этому рапорту прилагалась и приводимая ниже ведомость (см. табл. 1), в которой отразилась динамика численности отправленной в Россию части данцигского гарнизона^{xxxviii}.

1 мая 1814 г. Комитет министров вернулся к вопросу о пленнх данцигского гарнизона и рассмотрел две записки, внесенные по этому вопросу Вязмитиновым. В первой управляющий Министерством полиции информировал Комитет о запросе, направленном А. Вюртембергскому по поводу норм снабжения и полученном ответе. Герцог сообщил, что содержание данцигскому гарнизону по французскому положению должно производиться только во время следования до мест назначения. По прибытии же туда им полагалось получать то содержание, которое производится по высочайшему повелению прочим пленным в России. Сообщил Вязмитинов Комитету и содержание своего предписания, направленного в Киев и в другие губернии, где предполагалось разместить данцигских пленнх^{xxxix}.

Вторая записка Вязмитинова была вызвана возражениями А. Вюртембергского по поводу изменения Комитетом министров размещения пленнх генералов. Герцог просил поселить их согласно данным им обещаниям в Киеве и освободить от платежа за квартиры и дрова, «чтоб таким образом не имели они никакого предлога считать нарушенными сделанные с ними условия». Однако Комитет нашел «совершенно невозможным» изменить свое решение, о чем и предложил сообщить герцогу^{xl}.

Впрочем, к этому времени был уже заключен мир и все французские пленные подлежали возвращению на родину.

№	Описание части войск, составляющие Данцигский гарнизон	Счет описи людей и лошадей, по списку, при доставлении в Россию	К тому прибыл			Всего состо- ять долж- енста овало	Убыло людей со дня выступления из Данцига до прибытия в Киев										Затем явил- ся по при- высту- пению в Киев	Выступившие в колоннах из Киева по распоряжению гражданского начальства						Оставленных в Киеве по назначению гражданского начальства										
			Оказа- ны выше	При вы- ступе- нии	Итог о в ка- ждой части		Не вы- шла и из Дан- цига	Оста- лись при- ятые не- посто- янно	Воз- ратил- ся не- посто- янно	Оста- лись в го- сти та- лях	Без ве- сти от- лич- ных	Умер- шие	Взято в не- посто- янные с по- спис- кам	При вы- ступе- нии вы- бы- вшие из од- ной ча- сти в дру- гую	Итог о вы- ступе- нии в Киев	С 1-й в Орел		С 2-й в Кур- ск	С 3-й в Воро- неж	С 4-й в Харь- ков	С 5-й в Полт- аву	С 6-й в Чер- нигов	Всего вы- шла о из Киев- а	На посто- янное пре- быва- ние	На сроч- ное пре- быва- ние	Безе- стно от- лич- ных	Взвеш- ных го- сти та- ле	Слан- ные раз- ных ко- лонн [в] коман- дам	Здесь умер- шие					
1	Генеральный штаб и штаб каждой части означенных войск	144	9	5	14	158	15	2	2	10					6	35	123	3	2		4	27	29	65	20	38								
2	Наполеонова гвардия	282	34		34	316	27	21		36	4					88	228						207	207	3	3	1	6	8					
3	Жандармерия	47	31		31	78	4	7		5	1					17	61						51	51	1	6	1	1	1					
4	1-й полубригады	232	22		22	254	4	25		38	7					74	180	168						168	1				3	8				
5	4-го легкого п.	147	10		10	157	1	26		22	5					54	103	95						95				3	5					
6	17-го легкого п.	193	4		4	197	8	24		17	10					59	138	132						132	1			1	4					
7	16-го легкого п.	119	13		13	132	8	9		6	2					25	107	105						105		1	1							
8	21-го легкого п.	184	6		6	190	3	39		21	3				1	67	123	118						118				4	1					
9	28-го легкого п.	197	6	1	7	204	10	22		23	8				1	64	140	134						134				2	4					
10	8-й полубригады	160	3		3	163	6	53		8	5					72	91	82						82				2	5	2				
11	14-го линейного п.	182	9		9	191		15		16	7					38	153	145						145		3	2	3						
12	94-го линейного п.	187	6		6	193	12	21		8	3					44	149	142						142	1	1			5					
13	54-го линейного п.	156	7		7	163	8	57		8	3					76	87		82			2	1	85					2					
14	88-го линейного п.	141	5		5	146	5	47		6	2					60	86		78					78	1			5	2					
15	95-го линейного п.	124	7	1	8	132	2	7		5	1					15	117		110			1		111		2		1	3					
16	24-го линейного п.	143	6		6	149	4	3		10						17	132		120				1	121	3	2		1	5					
17	45-го линейного п.	215	10		10	225	64	61		6		1				132	93		89					89				1	3					
18	59-го линейного п.	176	6		6	182	12	40		4	1					57	125		121					121	2		2							
19	6-го легкого п.	283	8		8	291	3	35		36	5	1				80	211		170					170				19	21	1				
20	25-го легкого п.	243	3		3	246	1	25		39	3					71	175		164					164	1			5	5					
21	39-го линейного п.	294	8		8	302	1	65		25	3	1				95	207		193					193				8	4	2				
22	Запасной сводный п.	248	15		15	263	13	46		9	8					76	187			167	1			168	2	4	1	8	4					
23	1-й драгунский	281	2	2	4	285		60		15	9	1	1	1		87	198			174				174	4	3		9	8					
24	2-й драгунский	229	1	2	3	232	3	46		18	9					76	156			148				148	1	6			1					
25	Инженеры	232	3	1	4	236	9	18		41	3					71	165						150	150	7	5		2					1	
26	Морские	375	27		27	402	22	56		59	5	2				144	258		244					3	147	5	2	2	2					
27	Артиллерия	1105	28	9	47	1152	173	103		80	18	1	7	9		391	761					703	16	720	6	5		14	14	2				
28	34-й дивизии	125	14		14	139	9	18		8	6					41	98			97				97					1					
29	3-го линейного п.	94	23		23	117	17	14		9	1	1				42	75			69		1		70	1			4						
30	29-го линейного п.	360	29		29	389	42	35		18	10	1				106	283		267				4	271	3	1		2	5	1				
31	113-го линейного п.	175	2		2	177	21	52		7	25					105	72		72					72										
32	33-й дивизии неаполитанских войск	1592				1592										1592																		
33	Мастерские вагенбургов и отрядов, 12-го и 15-го батальонов вагенбурга	102	12		12	114		35		23	2					60	54			51				51	1	1		1						
34	Итого	379			400	9167				636						4031	5136						448	4744				105	128					
35	Потом прибыл в двух отрядах 37 чел. из Острова и Луцка выдворенных, [которые] значатся в следующем образом: 5 по спискам не состоящие поступают в призыв, 32 выключаются из госпиталей. Из оных значатся: 4 прикомандованы к 6-й колонне, 11 воевод в Киевский госпиталь, а 22 в дено разных команд	5			5	5				32						32	37						4	4				11	22					
36	Итого	8767	384	21	405	9172	507	1087	1594	604	169	8	9	21	3999	5173	1124	1129	800	707	536	452	4748	64	79	7	116	150	9					

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Д. 3915. Л. 95.

ⁱⁱ Волконский Д.М. Дневник, 1812-1814 // 1812 год... Военные дневники. М., 1990. С. 170.

ⁱⁱⁱ Богданович М.И. История войны 1813 г. за независимость Германии по достоверным источникам. СПб., Т. 2. 1863. С. 635-636; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3915. Л. 240-241.

^{iv} Штейнгель В.И. Записки касательно составления и самого хода Санкт-Петербургского ополчения против врагов отечества в 1812 и 1813 годах... М., 1815. Ч. 2. С. 140.

^v РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3915. Л. 232.

^{vi} Штейнгель В.И. Указ. соч. С. 132-133.

^{vii} Волконский Д.М. Указ. соч. С. 173.

^{viii} Там же. С. 174.

^{ix} Штейнгель В.И. Указ. соч. С. 145-146.

^x Богданович М.И. Указ. соч. С. 636.

^{xi} Штейнгель В.И. Указ. соч. С. 141-144.

-
- ^{xii} Волконский Д.М. Указ. соч. С. 174–176.
- ^{xiii} Штейнгель В.И. Указ. соч. С. 149–150.
- ^{xiv} Богданович М.И. Указ. соч. С. 635–636.
- ^{xv} РГВИА. Ф. ВУА. Д. 530. Л. 267–270; *Campredon J. Défense de Dantzig en 1813*. Р., 1888. Р. 258–262.
- ^{xvi} Волконский Д.М. Указ. соч. С. 176–177.
- ^{xvii} Штейнгель В.И. Указ. соч. С. 152–153.
- ^{xviii} Богданович М.И. Указ. соч. С. 636.
- ^{xix} Подмазо А.А. Большая Европейская война, 1812–1815: Хроника событий. М., 2003. С. 159.
- ^{xx} РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2653. Л. 88.
- ^{xxi} Там же. Д. 3071. Л. 223, 227об.
- ^{xxii} Там же.
- ^{xxiii} Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1409. Оп. 1. Д. 776, ч. 5. Л. 38.
- ^{xxiv} РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2653. Л. 88.
- ^{xxv} Там же. Л. 87.
- ^{xxvi} Там же. Л. 89–91.
- ^{xxvii} РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 833. Л. 13.
- ^{xxviii} РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3071. Л. 223.
- ^{xxix} Там же. Л. 226.
- ^{xxx} Там же. Л. 224.
- ^{xxxi} РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 58. Л. 45–47.
- ^{xxxii} Там же. Л. 47–50.
- ^{xxxiii} Там же. Л. 50–51.
- ^{xxxiv} Там же. Л. 51–53.
- ^{xxxv} РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3071. Л. 224.
- ^{xxxvi} РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 60. Л. 103–105.
- ^{xxxvii} РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3071. Л. 224.
- ^{xxxviii} Там же. Л. 227–228.
- ^{xxxix} РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 60. Л. 103–105.
- ^{xl} Там же. Л. 105об–106об.